

НОЧЬ ЛЮБВИ...

Mari Tee

ГЛАВА 42. Часть первая. В тюрьме.

– Смотри, Виктор, что я из Мапсы прихватил, – показываю я шесть желтых резиновых мячиков, каждый размером с яблоко. – Погода назад мне принесла их в Мапсу моя Лена. В то время я хотел научиться жонглировать. Но начальник тюрьмы по каким-то причинам не разрешил ими играть в камере, и забрал себе на хранение. А сейчас этот же начальник позволил мне принести их в камеру.

– Он, наверное, хочет, чтобы мы к ним привыкли, а потом отберёт, получив двойное удовольствие. Вася, хватит в своих вещах ковыряться, пойдём в коридоре в теннис этими мячиками поиграем. Там потолки высокие, хороший теннисный корт должен получиться, – предлагает мне Виктор, примеряя свою толстую тетрадку для английского как теннисную ракетку. – Тетрадкой играть неудобно, подожди, я себе из книжки ракетку сооружу.

Схватив первую попавшуюся книжку, Виктор убегает в большой зал для прогулок размером с бадминтонный корт. Пока я размышляю о том, что Далай-Лама и буддисты всего мира не стали бы возражать против того, что я приспособил книгу с его портретом на обложке как теннисную ракетку, Виктор во всю уже лупит по мячику, громко радуясь, как ребенок. Через несколько секунд из коридора слышится звон разбившейся лампы и веселый крик Виктора: «Гооооол!». Выйдя в коридор, я играю с ним минут пять. Не выдержав, Виктор убегает в камеру за вторым мячиком.

– На тебе, Вась, мячик. Извини, но ты неправильно в теннис играешь. Я лучше со стеной в сквоч поиграю.

– Да кто бы, Вить, говорил? Ты себя в зеркало видел? Ты мне напоминаешь жирафа на теннисном корте, – возмущаюсь я несправедливым обвинением в мою сторону.

– А ты, Вась, как слонёнок бегаешь. Мне не нравится ждать, пока ты возвращаешься с мячиком в исходную точку.

– Ну и ладно, Вить. Вот твоя часть стены, а эта – моя. Будем со стеной лучше играть, ей всё равно, как мы бьём и как бегаем. Помоему, в этой тюрьме попрικольнее, чем в Мапсе, – обращаюсь

я к Виктору, звонко отбивая мячик от стены книжкой с портретом Далай-Ламы. – В этой тюрьме у нас тут свой персональный теннисный корт, а на улице – поле для прогулок, без решёток над головой. Если Джеймсу с Дэвидом позволят переехать обратно в Мапсу, я, Вить, с ними не поеду, мне здесь больше нравится. В Мапсе – как в клетках. Это Джеймсу и Дэvidу в суд нужно постоянно ездить, у них дело уже рассматривается, а моё откроют не раньше, чем через полгода. Я остаюсь здесь. Их всё равно раньше, чем через пару месяцев не перевезут обратно, поэтому надо бы английскому у Джеймса подучиться, пока он у меня сосед по лежанке. Ты только подумай, Виктор, если кто-нибудь у меня спросит: «Кто был твоим учителем английского языка?», я отвечу: «Мой учитель был настоящий шотландец. Правда, его никто не понимал из-за его акцента и отсутствия половины языка».

– Прикольная характеристика для учителя английского, – смеясь, говорит Виктор, не прекращая бить мячиком об стену.

– А ты знаешь, Вить, как он пол-языка свои потерял?

– Он что-то мне, Вась, говорил про драку, что ему язык кто-то откусил. Но, ты же знаешь, полностью понять его шотландский невозможно. Вообще, странная история. Как это можно, чтобы язык во время драки откусили? Он что, целовался, что ли, с кем-то?

– Я не знаю, Вить, надо будет у него спросить подробности.

– А зачем тебе это, Вась, знать? Ориентацию его сексуальную хочешь узнать? Меньше знаешь – крепче спишь. Смотри, «секси» пожаловал, – приостановив игру, показывает Виктор ракеткой, сделанной из «Тибетской Книги Мёртвых», на появившегося в коридоре охранника с явно выраженной гомосексуальной ориентацией. Пройдя мимо трёх молодых заключённых индусов, охранник не упускает возможности полапать их за жопу.

– По-моему ты, Вась, ему безразличен, – улыбаясь, говорит Виктор, наблюдая, как охранник, вульгарно облизав свои губы, направляется в мою сторону, раскачивая при этом, как женщина, бёдрами.

– Этого ещё, Вить, не хватало.

С удвоенной силой я начинаю бить книжкой по мячику, демонстрируя свой агрессивный настрой. Дождавшись, пока я пропущу мячик, охранник мгновенно оказывается напротив меня. Строя мне глазки и подойдя совсем близко, он пытается ухватить меня рукой за член. Удачно увернувшись в сторону, я смачно, но не очень сильно, пинаю его коленкой по яйцам.

– Ну что, педрилка, понял, что по яйцам от меня получить можно? – с агрессивной интонацией говорю я по-русски. – Я тебе не индус и не пидор, чтобы лапать меня.

Поняв, что ко мне не стоит клеиться, «секси» быстро переключается на индуса, стоящего возле окна.

– Они что, все что ли тут пидоры? – обращаюсь я к смеющемуся Виктору.

– У начальника тюрьмы голос, как у девушки, у его заместителя, по-моему, тоже ненормальные сексуальные наклонности. Он меня вчера в кабинете за жопу ухватил разок. Тоже пришлось ему зубы показать.

– А ты слышал, Вить, голос у другого охранника, который вчера дежурил?

– Ужас, Вась, у него голос вообще как у десятилетней девочки. Не дай бог с таким голосом родиться. Как только таких в тюрьму берут работать? Мне, Вить, прошлой ночью сон снился на эту тему, – обращаюсь я к Виктору, снова начавшему играть в теннис со стеной.

– Сто очков! – громко кричит Виктор, заглядывая в маленькое окошко туалета. Подожди, Вась, не рассказывай про свои сексуальные фобии, сейчас я мячик из сортира достану.

Через несколько секунд Виктор появляется из туалета, держа двумя пальцами мяч, с которого ниткой тянется какая-то слизь.

– It's jail, man¹, – говорит Виктор, брезгливо подставляя мячик под струю воды в умывальнике.

– Так что, Вась, за сон у тебя был? Пойдем в камеру, расскажешь, а то я за полчаса игры уже мокрый, как лягушка, стал. На сегодня корт закрыт. Пойдем, накуримся лучше, пока все на прогулке.

Достав из своего мешка пластиковую баночку с карамельками, я высыпаю все конфеты на пол.

– Хорошо ты замаскировал гашиш под ириски, хрен определишь, какая из них призовая, – улыбаясь, говорит Виктор, снимая мокрую от пота майку.

Накропав чарас в бонг, сделанный из пластмассовой бутылки и фольги, мы делаем по паре больших затяжек.

– Ну, рассказывай свой сон, – говорит Виктор, растянувшись плашмя на прохладном бетонном полу.

¹It's jail, man – Это тюрьма, чувак.

– Странный мне сон снился. Не хотел я рассказывать, но после случая с «секси»-охранником, расскажу. Снится мне ночью, что захожу я в комнату охранников и вижу, как они, одетые в гестаповскую немецкую форму, брутально трахают Джеймса, а он, плача, говорит мне: «Вась, меня силой заставили. Я не хотел. Я сопротивлялся, как мог». А я говорю ему: «Бежать надо из тюрьмы, пока меня тоже не трахнули». И всю ночь бегали мы перебежками по каким-то трущобам от преследующих нас охранников-фашистов.

– Да, Вась, по-моему, у тебя гомофобия начала развиваться, – улыбаясь, говорит Виктор, перекатываясь по полу к месту под вентилятором.

Мерзко лязгая железным затвором, шумно открывается дверь в нашу камеру. Возвращающиеся с прогулки сокамерники покрыты красной пылью и мокрые от пота. На некоторых видны отпечатки футбольного мяча. Первым делом все направляются к своим пластмассовым бутылкам с водой, жадно поглощая охлаждающую жидкость, не обращая внимания на плавающую в ней инородную взвесь. Самым весёлым выглядит Джеймс.

– Эй, «Сэлтик»², сколько голов сегодня забил? – спрашивает Виктор у фаната шотландской футбольной команды.

– Сегодня три гола забил, – тяжело дыша, садясь на пол, отвечает Джеймс, похожий на усталого, большого Винни-Пуха.

Перекатываясь на спину, большой, мохнатый Винни плюхается рядом с улыбающимся Виктором, наслаждаясь приятной прохладой, исходящей от бетонного пола.

– Давно я, парни, в футбол не играл, лет двадцать, наверное, – говорит наш пухлый шотландец, обливаясь потом. Я за полгода пятнадцать килограмм уже сбросил, думал, что уже не буду в своей жизни в футбол играть. У меня же нога хромает, я же здесь, в Гоа, по пьянке в аварию год назад попал. Ногу сломал, и оглох на одно ухо.

– Так ты ещё и глухой, Джеймс! – громко смеясь, говорит Виктор, смотря на нашего недоумевающего английского учителя. – Ну и учитель у нас с тобой, Вась. Глухой, хромой, с половиной языка, шотландский контрабандист.

– Скажи, Джеймс, а как ты умудрился в драке язык потерять? – спрашиваю я его, не в силах сдержать улыбку. – Ты что, целовался что ли?

– Да, – смущаясь, говорит Джеймс, – было дело.

²«Сэлтик» – шотландская футбольная команда.

– Вот это номер! – улыбается Виктор, приподнимая с пола голову, видимо вспомнив секси-охранника.

– Никому я не говорил, но вам, русские, расскажу. Моя бывшая жена, мать моего сына, в молодости здорово зажигала вместе со мной. Один раз мы вынюхали с ней кучу кокаина, и выпили неплохо. Ну, и поругались сильно из-за чего-то. Я полез к ней целоваться, а она меня зубами за язык ухватила, и чуть весь его с корнем не вырвала. На следующий день было смешно, когда моя мама с братом меня в больницу пришли навестить. Мама говорит мне: «Покажи язык, сынок», а я из баночки пол языка достаю, и протягиваю ей. Она в рёв, а брат мой от смеха чуть не умер. В тайне это держал всегда, никому не говорил, что это жена сделала, вам первым рассказываю. Надеюсь, вы с моей бывшей женой не будете об этом говорить.

– Что ты там в газете увидел, Александро? – обращаюсь я к нашему сицилийскому итальянцу, лежащему на полу.

– Новая модель мотоцикла вышла, смотри, какой красивый, – показывает он пальцем на ужасного качества черно-белую фотографию в индийской газете.

Какое-то время мы молча разглядываем новый моцик, вспоминая каждый свою байкерскую молодость. Нашу тишину нарушает старый индус, сидящий за изнасилование и косящий под сумасшедшего.

– А что насчет «Фольксвагена»? – абсолютно не в тему спрашивает нас насильник по прозвищу «Черчилль», похожий на что-то среднее между обезьяной и австралопитеком.

– Черчилль, а при чём тут Фольксваген? – удивленно спрашивает Александро. – Ты же видишь, мы мотоцикл обсуждаем, тут нет никакого «Фольксвагена».

– А я так, разговор поддержать. «Фольксваген» – хорошая немецкая машина, а индийские машины плохие.

– Это почему же, Черчилль, ты так думаешь, – с улыбкой спрашиваю я, наблюдая ежедневную сумасшедшую комедию.

– А потому, что австралийские бананы хорошие, большие, – показывает старый обезьян на своей руке уровень локтя, – а индийские бананы маленькие, с палец всего. Зато Индия сейчас с Россией дружит хорошо, а с Австралией нет. В Австралии местные жители индусских таксистов бьют. А Индия у русских оружие купила, самолёты, ракеты, автоматы.

– Всё, Черчилль, хватит нам трахать мозг, выключи свой вещатель или переключи канал на другую тему, – кричит ему Виктор, первый не вытерпевший этого бреда.

– А у вас печенье есть? – быстро переключившись на другую тему, говорит Черчилль, сделав жалобное лицо. – Давайте я вам ваши вещи постираю? А если повидло дадите, массаж ног могу сделать.

Черчилль, быстро встав на четвереньки, начинает старательно массировать ноги Джеймса, периодически заглядывая ему в глаза.

– Нет, Черчилль, отвали, твой массаж мне не нужен. А вот майку с трусами постирай мне, – говорит шотландец, бросая грязную и мокрую от пота майку.

– А мне покрывало и простыню постирай, – добавляю я, вспомнив, что моё бельё уже месяца три не стиралось.

– На вот, Черчилль, возьми аванс, – говорит Виктор, протягивая старому насильнику карамельку.

Наблюдая за нами через решётку, охранник по кличке «секси», прекратив лапать молодого индусского пацана, тоже протягивает Виктору руку.

– На тебе, педрилка, тоже сладенького, – говорит Виктор, протягивая охраннику руку с ириской. Схвати через решётку Витьку за локоть, «секси» мгновенно целует ему руку.

– Ну точно, Вась, сюрреализм какой-то. Мне охранник в тюрьме за конфету руку готов целовать.

– It is India, man, – улыбаясь, говорит итальянец, разводя руками.

ГЛАВА 42. Часть вторая. На воле.

– Как меня всё задолбало, наконец-то, ресторан разобран, – говорю я, наливая себе колу в стакан с ромом. Сегодня уже можно сказать, что ещё один сезон в Гоа закончился. Четыре года в Гоа пролетели, как один день.

– Дорогой, я тебя полностью поддерживаю в твоём новом проекте, – приятно массируя мою голову, говорит Лена. – Наконец-то, ты продал этот грёбанный «Хэмп», но больше всего я рада, что мы уехали из этого долбаного Арамболя. Все нормальные люди давно уже перебрались жить в Сиолим. Милый, мне так нравится в нашем новом доме! Пусть он далеко от моря, зато без бегущих свиней и мерзких рыбаков. От нашего сиолимского дома теперь до всех мест, где надо периодически бывать, всего пятнадцать

минут езды на машине. До арамбольского пляжа – пятнадцать минут, до рынка Мапсы – десять минут, в школу теперь Василичку будить нужно будет всего за полчаса. Да и люди здесь, в Сиолиме, вокруг живут приличные. Мы вот этаж наш снимаем у инженера из панчаята. И, поэтому, весь дом с современной мебелью, мраморные полы, кухня шикарная. Если купишь мне ещё стиральную машинку-автомат, я тебя ещё сильнее любить буду, – смеясь, говорит Лена, сидя на пару ступенек выше меня на лестнице, ведущей с балкона на крышу.

Лена эротично, слегка раздвинув ноги, посылает мне воздушный поцелуй. И тут же прикрывает свои белые трусики короткой юбочкой.

– Ты специально, Лен, мне целый месяц уже не давала, чтобы стиральную машинку выпросить, – слегка обиженно говорю я, не в силах сопротивляться сексуальному магнетизму моей любимой.

– Не давала я тебе потому, что ты злой, как собака, последние три месяца был. И вообще, шутки у тебя последнее время дурацкие. Я понимаю, разборки с сумасшедшими, закрытие рестика, Саня, твой напарник, ещё так и не приехал, змей. Пришлось тебе одному ресторан разбирать. Я понимаю, милый, ты нервничаешь из-за всех этих проблем. Но зачем в дом эти проблемы приносить? Мы-то с Василичкой в чём виноваты? А про стиральную машинку я давно тебе говорила. Хочешь, чтобы я меньше уставала, а значит, и была более ласковой с тобой, – покупай автоматическую стиральную машинку. А Василичку я сегодня к Илке специально отвезла с ночёвкой, соскучилась я по тебе. Налей мне ещё рома в колу, – говорит Лена, игриво разводя и сдвигая свои ножки, прикрытые розовой юбочкой.

– Леночка, хватит меня дразнить, я ведь на випасану послезавтра уезжаю, неплохо бы было с тобой любовную ночь провести. Десять дней ведь тебя не увижу.

– Обещаю тебе, милый, если ты опять сегодня не будешь нудить и не испортишь мне настроение, то сегодня мы повеселимся.

– Смотри, Леночка, как полная Луна смотрится на фоне пальмы, – говорю я, садясь рядом на ступеньках со своей женой. Вид – прямо как с рекламной открытки.

– Ой, Вась, не представляю я тебя на випасане. Ведь там десять дней по восемнадцать часов в день нужно будет в позе лотоса сидеть. А самое невыносимое, по-моему, это то, что десять дней нельзя говорить.

– Ты знаешь, Лена, я сам раньше не мог представить себя молчащим десять дней. Но я так устал ото всех за последнее время, мне будет только на пользу помолчать десять дней. Что-то ничего меня в последнее время не радует. Хочется каких-то новых ощущений. То ли люди, окружающие меня, другими стали, то ли я сам изменился, – тоска меня какая-то гложет. Из-за этой хандры я каждый вечер с тобой ром бухать начал, – а ведь раньше не пил.

– Ну, хватит заводить заново старую пластинку про алкоголизм, не хочешь – не пей. Только не порть мне сегодня эротическое настроение, – обиженно говорит Лена, поправляя свою юбочку. Покури лучше чилум, только не читай мне лекцию про женский алкоголизм, – подливая себе рома, говорит Лена, нахмутив брови. – Съезди, Василь, на випасану, помедитируй. Может, приотпустит тебе голову. Хотя я считаю, что всё это ерунда и бред: сидеть десять дней, медитируя. Ты бы лучше эти десять дней подумал про свой новый ресторан в Палолеме. Я так хочу, чтобы у тебя всё получилось! Не хочу я больше ни квасом, ни пирожными заниматься.

– Лена, квас тебе индуска из Арамболя делает. Тебе нужно только раз в неделю объезжать русские рестораны, и выручку забирать. Десять разных русских мест покупают у нас квас. Ты же моя квасная королева. Ты гордиться должна, что про твой квас по телевизору на всю Россию рассказывали. Пять разных журналов о нашем гоанском квасе писали. Даже Саня в своей книжке «Гоа синдром» несколько раз про твой квас упоминал. Вот Надин делает творожок и гордится, что «Дважды Королева Мать Молочница».

– А я, дорогой, не хочу быть квасной королевой и Надин мне твоя ни пример. Если ещё раз меня так назовешь, вообще тебе давать не буду, – отвернувшись в сторону, обиженно говорит моя Лена. – Вот женой крупного ресторатора мне хочется быть, – снова игриво подмигивает мне моя красавица.

– Я постараюсь, чтобы ты стала женой преуспевающего ресторатора. Я рассчитываю зарабатывать тысяч тридцать долларов за сезон. Леночка, ты только представь: четыреста русских туристов ежедневно отдыхают в пятизвездочном отеле напротив нашего нового ресторана. И – ни одного приличного заведения в округе. Они же все будут свои денежки у меня оставлять! Ресторан я свой арамбольский за пять тысяч продал. Серёга ещё свою пятерку баксов добавит, а за десятку мы дворец из бамбука построим, ни у кого

такого ресторана не будет. Тысяча метров земли – это не пятьдесят квадратных метров арамбольского пляжа. И, с Серёгой мы познакомились в поезде не просто так. Небеса нам дают шанс начать новую жизнь. Буду честно зарабатывать, безо всяких наркотиков.

– А ты уверен, Василь, что твой новый партнёр не кинет тебя, как это сделал Дэн, а потом и Саша?

– Леночка, Дэн меня кинул из-за наркотиков, а Саша, думаю, ещё появится. Может, у него есть уважительная причина, из-за которой он пропал, и не появляется уже второй месяц. Я не думаю, что он бросит Гоа из-за тысячи долларов, которые мне должен, и оставив мне свою поюзанную мебель и старый холодильник. А даже если и пропадёт, то утварь его пригодится в новом ресторане.

– Всё равно, Василь, будь осторожен с Сергеем. Он ведь бывший риэлтор, умудрившийся кинуть свою компанию на тридцать штук баксов.

– По-моему, ты, Лен, преувеличиваешь свои страхи. Куда он из Гоа денется, если у него паспорта нет? Вряд ли он захочет меня кидать.

– А что же он сотку баксов, которую ещё полгода назад занял, всё никак не возвращает?

– Лена успокойся, закроет он мне этот долг взаимозачётом, когда ресторан строить будем. Не волнуйся, есть у него деньги. Посмотри, как они живут. На большом джипе ездят. Дом у них шикарный, с кондиционером. Проходимцы так не шикуют.

– Всё у тебя, дорогой, получится, я в тебя верю.

Лена нежно целует меня в щёку, обхватив обеими руками за шею.

– Любимая, я буду неделю работать на юге Гоа, в ресторане, а потом – на недельку на север, к вам сюда буду приезжать отдыхать. И все проблемы, связанные с работой, будут на юге оставаться, а здесь я буду хорошим мужем и примерным отцом. По-моему, такой график оптимально должен нам подойти. А то ведь, Леночка, мы каждый день ругаемся из-за всякой ерунды. Если призадуматься, мы же в раю живем, но такое ощущение, что рай без ада медленно становится адом. Вот мы и придумываем себе разные проблемы, чтобы потом их разрешать. И от этого ещё и прёмся.

– Вот-вот, любимый, ссоримся из-за всякой ерунды. Неужели сложно, что ли, тебе крошки за столом после себя убирать? Или ты их специально каждый раз оставляешь, мне назло.

– Лена, пожалуйста, не начинай свои нравоучения, а то я прямо сейчас уеду на Палолем. Каждый день ты ворчишь. Я всегда всё убираю за собой. Только ты всегда придираешься и находишь то, что я вообще не вижу. Только ты можешь видеть микробы грязи.

– Вот тебе, Василь, классический пример. И вот так у нас с тобой каждый день. Расставаться на неделю нам будет только на пользу. А если я, милый, сильно соскучусь по тебе, то сяду в машину и за два часа доеду до тебя. Главное, любовницу там себе не заводи, а то я приеду, все волосы ей повыдеру.

– Успокойся, дорогая, я там работать собираюсь, а не отдыхать. Интересно, Лен, как здесь, в Гоа, меняется отношение ко времени. В Москве пару часов в дорожной пробке провести просто ерунда, а здесь, где до всего, куда тебе нужно – пятнадцать минут езды, два часа кажутся огромным расстоянием. Слушай, любимая, а может, в честь моего отъезда на випасану загуляем сегодня по-взрослому, распечатаем грамм МДМА?

– Мне завтра Василинку не надо в школу вести, квас не надо делать. А почему бы и нет? Мы ведь больше двух месяцев уже ничего не юзали. Устроим себе сегодня праздник. А может, Василь, друзей кого пригласим? Хоть поболтать будет с кем.

– Давай Андрея с Оксаной позовём? Я давно их не видел. Компанейские ребята.

– Алло, Андрюха, ты не занят сейчас? Мы тут с Ленкой загулять решили по-взрослому в честь моего отъезда на випасану, заезжай со своей женой в гости. Только пару бутылок колы и пару бутылок рома захвати. А мы пока грамм МДМА распакуем. Всё, ждём, пока.

– Так значит, ты на випасану решил? – поднимаясь к нам по лестнице на балкон, говорит невысокий мускулистый парень с огромными туннелями в ушах.

– Да, Андрюха, созрел я на випасану. Привет, Оксана, – целую я в щёку появившуюся следом его симпатичную жену. Мы, в честь моего отъезда, решили домашнее пати провести. Мне наговориться надо перед десятидневным молчанием. Проходите в дом, там, на стеклянном столике вас ждут дорожки с «димычем». Мы уже с Ленкой занюхали свои.

– Мы так и поняли уже, по вашим сверкающим глазам, – смеясь, говорит Оксана, выгружая на стол ром с колой.

– Как быстро вставляет этот «димыч», у меня звёзды на небе уже начали под музыку двигаться, – говорит мне Лена, откинувшись на матрасике, лежащем на балконе. – Василь, скажи мне, почему только под «димычем» мы можем на время забыть мелкие обиды, которые мешают нам просто любить друг друга? Как же получается жить, не ругаясь, у людей, которые ничего не употребляют?

– Я, Леночка, сейчас испытываю такие же чувства, которые были у меня, когда я только влюбился в тебя. Жаль, что из-за бытовых проблем эти чувства притупляются. Помнишь, как мы познакомились в «Рок-баре»?

– Конечно помню, любимый. Тогда я не думала, что свяжу с тобой мою жизнь.

– А я, как увидел тебя, так сразу и понял, что влюбился по уши.

– Что у вас, любовные истории уже пошли? – улыбаясь, говорит Андрей, присаживаясь рядом со своей Оксаной.

– А у нас всегда, когда мы «димыч» нюхаем, разговоры только о любви, – кокетливо говорит Лена, полузакрыв от удовольствия глаза.

– А я, Вась, сразу музыку начинаю глубоко чувствовать, – говорит Андрей, откинувшись в кресло. – Хороший, Вась, транс у тебя играет. Вот только «димыч» пока нос щиплет. Но, я вас скоро догоню, и тоже буду наслаждаться.

– А я тоже о любви люблю поболтать во время прихода, – говорит красивая, молодая жена Андрея.

– А мне под «димычем» мысли о безусловной любви в голову лезут, – с полузакрытыми глазами говорю я, жадно разглядывая красивые ноги своей жены. – Под МДМА все темы и мысли у меня к этому и сводятся.

– А что ты, Вась, подразумеваешь под безусловной любовью? – с закрытыми глазами спрашивает Андрей, положив голову на коленки своей Оксаны.

– Насколько я знаю, Андрюха, есть три вида любви: эротическая, дружеская и вселенская. Вот вселенская любовь, – это высшая степень проявления любви, это когда ты любишь кого-либо без чувства собственности, просто так, когда ты наслаждаешься любовью, не требуя ничего взамен. Можно ведь просто любить, не смотря ни на что.

– Да, к сожалению, такая любовь получается только в первое время совместной жизни или под воздействием МДМА, – подключается к нашему диалогу Оксана, глядя волосы своему мужу.

– А ещё, мы с Васей любим под «димычем» трахаться в разных необычных местах, – кокетничая, говорит Лена, нежно проведя своими ноготками по моей ноге. – Где мы только это не делали: на крыше, на пляже, в подъезде или даже на кукурузном поле. Помнишь, дорогой, наш Непал?

– Конечно же помню, любимая.

– У тебя, Василь, ещё в дреды на затылке разноцветные ленточки были вплетены, ты мне в трипе казался инопланетянином. Мне во время секса казалось, что меня трахает пришелец с другой планеты.

Я страстно целую свою Лену в горячие, влажные губы, наблюдая краем глаза, как Андрей, целуя свою Оксану, не сводит глаз с моей Лены.

– Я очень хочу тебя сейчас, – шепчет мне на ухо моя Лена. – Может, отлучимся на полчаса в спальню?

– А хочешь, любимая, новых ощущений? – говорю я шёпотом, целуя любимую в шею. – Давай займемся любовью на глазах у Андрея и Оксаны.

– Жутко возбуждающее предложение, – шепчет Лена, посматривая на наших целующихся друзей. – Только никаких потом предъявлений. Не будешь потом меня упрекать и говорить, что это я всё это задумала?

– Любимая, я обещаю, всё будет красиво. Я чувствую, что сейчас взорвусь от возбуждения, главное, чтобы наши друзья были не против.

– Эй, сладкая парочка, прервитесь на секунду, мы вам сюрприз хотим устроить, – говорю я целующимся под музыку Андрею и Оксане. – Хотите посмотреть, как мы занимаемся любовью?

– Вот это предложение! – улыбаясь, удивлённо говорит Оксана, поправляя свою юбку, оголившую кусочек её нижнего белья.

– Я хочу. Я такого ещё не видел, – опережая ответ Оксаны, говорит Андрей, приоткрыв от удивления рот.

– А мы сами такого ещё никогда не делали, – говорит Лена, толкая меня в сторону матраса, лежащего на полу в зале. Медленно раздеваясь, и покрывая друг друга поцелуями, мы, в такт музыке, двигаемся, словно две змеи, переплетаясь в удивительных позах. Каждый поцелуй, каждое прикосновение отдаётся в мозге взрывом оргазмического удовольствия. От осознания того, что мы делаем что то запретное, впрыскивающийся в кровь адреналин усиливает удовольствие в тысячу раз.

– Смотри, – шепчет мне на ухо моя красавица, – Андрей с Оксаной тоже любовью занялись.

С трудом сфокусировав размазанное «димычем» зрение, я вижу, как на балконе Андрей красиво и нежно любит свою Оксану.

– Какие они красивые, – говорит мне Лена, страстно рассматривая голую пару, гармонично двигающуюся на полу.

– Может, позовём их к нам на матрасик? – предлагаю я нежно прижавшейся ко мне Лене.

– А ты жалеть потом не будешь? – спрашивает моя любимая, пристально глядя мне в глаза.

– Какая ты у меня красивая, я люблю тебя очень сильно! Я люблю тебя вселенской любовью. И, если ты получишь удовольствие, то я от этого получу его в десять раз больше, что бы ты ни делала.

– Андрей, Оксана! – кричу я своим друзьям. – Что вы там, на полу-то, идите к нам, на матрасик.

Переплетаясь в разных позах, мы иногда касаемся друг друга, постанывая от наслаждения. Уже невозможно определить, чьи это стоны и кто их издаёт. Горящие в темноте свечи помогают скрывать возникающий изредка стыд. Волны удовольствия, усиленные «димычем» прокатываются по нашим телам, заставляя нас судорожно выгибаться, и издавать звуки наслаждения. Пространство вокруг нас просто не существует, оно растворилось в блаженстве. Возникает ощущение, что мы находимся в эротической сказке, где мы – главные герои.

– Пойду я ещё дорожку «димыча» занюхаю, – немного придя в себя, говорю я, оставляя лежать свою красивую женщину рядом с двумя сплетёнными, голыми телами.

– Вася, надеюсь, ты не против? – спрашивает меня Андрей, кладя свою руку на бедро моей Лены. Встретившись на секунду взглядом со своей любимой, я дружелюбно улыбаюсь и киваю головой.

– Я тоже буду дорожку, – говорит Оксана, оставляя своего любимого рядом с моей красавицей. Быстро вынюхав по дорожке перетёртых кристаллов, мы, абсолютно голые, плюхаемся на диван, рассматривая, как наши любимые сливаются в единое целое.

– Смотри, как красиво у них получается, – шёпотом говорит Оксана, прижимаясь своим ко мне голым телом. Очередная волна прихода накрывает меня, пробежав мурашками от пяток к затылку, и заставляя волосы шевелиться.

– Никогда я не испытывал подобных ощущений. Как будто это я сейчас занимаюсь с ней любовью, и, одновременно наблюдаю всё это со стороны.

– Да, потрясающие, Вась, ощущения, – на мгновение оторвав взгляд от наших любимых, говорит Оксана, глядя своими ноготками мою грудь.

– Когда по-настоящему любишь, то ничего не может тебе помешать наслаждаться этой любовью. Смотри, как прекрасна моя Лена. То, что она сейчас с твоим Андреем, не уменьшает ни на грамм мою к ней любовь. Удивительно, но нет никакого чувства ревности. Я чувствую только любовь. И, если моей Лене сейчас хорошо, то мне от этого только ещё приятнее.

– Я тоже, Вась, испытываю такие же чувства. Мне тоже приятно наблюдать, как твоя Лена сейчас дарит любовь моему Андрею. Может быть, присоединимся к ним?

– Пойдём, – говорю я, беря за руку Оксану. – Наверное, мы все сошли с ума. Но то, что мы сейчас делаем, мне очень нравится. Наверное, это и есть самое высшее проявление любви. Сегодняшнюю ночь мы не забудем, наверное, никогда. Tomorrow never come

– Что, ещё по дорожке? – предлагаю я Лене, закрывая дверь за Андреем и Оксаной.

– Только по последней на сегодня, – говорит Лена, стоя голой, с распущенными волосами, в лучах утреннего Солнца.

– Ну, как тебе сегодняшняя ночь? – улыбаясь, говорю я, высыпая маленькую горку кристаллов на стеклянный стол.

– Любимый, мне хоть и немного стыдно, но пока меня держит «димыч», мне всё нравится. А вот когда начинает приотпускать, я чувствую, что зря я сегодня согласилась на этот эксперимент, мне становится как-то не по себе. Сейчас я нахожусь как бы в другой реальности.

– Милая, я обожаю тебя, я люблю тебя, и никогда не упрекну и не осужу твой сегодняшний поступок. И, даже наоборот, буду всегда тебя благодарить за твоё понимание. Редко, кому жёны дарят такие подарки, какой ты подарила мне сегодня.

– Милый, только пообещай мне, что когда мы проспимся, и будем трезвыми, ты никогда не будешь обсуждать эту тему, а то я буду ужасно злиться и комплексовать.

– Как же щиплет нос от этого «димыча», – говорю я, делая коктейль из черного рома с квасом.

– Дорогая, завтра я уезжаю, и у нас у обоих будет время подумать о том, что мы сегодня сделали. Я не хочу, чтобы ты испытывала чувство угрызения совести. Помни, что я никогда не осужу тебя за сегодняшнюю ночь. Пойдем в постель, насладимся последней на сегодня волной любви. Я люблю тебя, милая.

– Я тоже тебя сильно-сильно люблю.